

В просторном двухуровневом погребе с пятиметровыми потолками царил полумрак. Лишь над барной стойкой да сбоку горело несколько тусклых софитов, отбрасывая холодные лучи.

Оба мужчины застыли, точно глиняные изваяния. Один тонул в хмельном мареве, другой — погрузился в глубокие раздумья.

Достав телефон, Фу Цзяньси открыл поисковик. С чего бы это они сначала декламировали стихи, а потом глушили вино бокал за бокалом? Строки показались ему знакомыми — кажется, это был какой-то сонет.

Он вбил в строку поиска: «Едва завидев чужой расцвет, увядаешь сам...»

На экране высветилось:

«... И близок день: ты канешь в бездну лет,

Раз увядают прелесть и цветы,

Едва завидев чужой расцвет, увядаешь сам,

И ничему не устоять пред косою времен...»

В этом огромном мире за спиной каждого из нас высится свалка ушедших дней, безжалостно погребенных временем.

И кто из нас, взрослея, не пал жертвой его жестоких ударов?

Но чувства, о которых говорил Фан Юй, казались неподвластными тлению и смерти.

За те неполные двадцать лет, что прожил Цзяньси, он твердо усвоил: люди уходят. Они увядают, исчезают, умирают — и это единственная неизменная норма жизни.

«Как можно столь слепо, до самозабвения верить в вечную любовь?» — невольно подумал юноша.

Глядя на хмельного собеседника, он искренне недоумевал. Если тот так свято верит в бессмертие чувств, почему бы ему просто не завести новые отношения?

Впрочем, когда первая волна раздражения улеглась, Цзяньси вынужден был признать: в чем-то их судьбы действительно перекликались.

Но сходство это было лишь поверхностным.

Детство, семья, окружение, сам путь взросления...

В некотором смысле Фан Юю повезло больше. У него было целых шесть лет родительского тепла, заботы и семейного уюта. Познав вкус истинного счастья, он потерял его в одно мгновение. И теперь, ослепленный этой утратой, метался по огромному миру, упрямо ища в безликой толпе осколки утраченного рая.

Наверное, именно поэтому он так и не научился мириться с одиночеством.

Сам же Цзяньси считал себя счастливее в другом. Оставшись без родителей, он рос под крылом бабушки и дедушки, которые бережно взрастили его, дав окрепнуть. На его глазах близкие уходили один за другим, принимая неизбежный финал. Это научило его принимать одиночество как должное. Он привык быть один.

Они были слишком разными, их жизни текли в противоположных руслах. Зачем же Фан Юй с таким пугающим упрямством пытается свести их дороги в одну?

Один привык брести в глухой тени, другой — скитаться сиротой при живом мире. Но если однажды солнце в зените осветит их общий путь, смогут ли они пойти рука об руку?

Цзяньси подошел к краю барной стойки и нажал кнопку видеодомофона.

После коротких гудков раздался бодрый голос Большой матушки:

— Добрый вечер!

— Какая комната закреплена за частным погребом №9? — спросил Цзяньси. Он знал, что к каждому частному погребу в комплексе «Лазурное море и облачное небо» прилагаются отдельные апартаменты, а администрация лишь следит за порядком.

— Цзяньси? Ну конечно, девятые апартаменты. Тебе прислать кого-нибудь на помощь?

— Не нужно, спасибо, — отозвался юноша и отключил связь, после чего принялся критически оценивать габариты своего спутника.

Этот тип определенно весил больше него. Ростом они были примерно равны, но Фан Юй явно отличался более плотным, мускулистым телосложением.

Признать, что у этого наглеца фигура лучше — для Цзяньси это было ударом по самолюбию

того же масштаба, что для Фан Юя шуточки о его мужском бессилии.

Юноша обогнул стойку и бесцеремонно толкнул руку, на которую опирался собеседник. Ладонь вместе с предплечьем качнулась, описывая ленивую дугу вокруг локтя, и бессильно шмякнулась на мраморную столешницу. Следом на руку глухо повалилась и тяжелая голова.

Цзяньси глубоко вздохнул и с шумом выпустил воздух сквозь зубы. Ему жутко захотелось перезвонить Большой матушке и попросить пару крепких парней, чтобы те уволокли это сокровище наверх. Но пока он прикидывал, в какой позе транспортировка пьяного босса будет выглядеть наиболее эффектно, Фан Юй внезапно зашевелился.

Сперва он медленно приподнял голову и пару секунд тупо вглядывался в то место у рабочего стола, где только что стоял Цзяньси. Не обнаружив там никого, он закрутил головой по сторонам. Видимо, от резких движений навалился приступ дурноты — мужчина зажал виски ладонями и застыл, пытаясь прийти в себя.

Цзяньси наблюдал за этой сонной пантомимой со стороны и невольно усмехнулся.

«Ну что, довыпендривался?» — ехидно подумал он.

Фан Юй сквозь щелку между пальцами уловил чье-то присутствие сзади. Он неспешно повернулся и сфокусировал мутный взор на домовладельце. Опершись обеими руками о барную стойку, он предпринял героическую попытку встать. Понадобилось не меньше полуминуты, чтобы этот взрослый, солидный мужчина наконец зафиксировал вертикальное положение и перестал покачиваться из стороны в сторону.

— Ох... голова кругом... — пробормотал он заплетающимся языком и вдруг глуповато улыбнулся. — Тебя тут целая шеренга стоит.

Цзяньси не выдержал и коротко хохотнул.

Равновесия Фан Юя хватило ненадолго — «шеренга» из нескольких Цзяньси окончательно сбила его с толку. Он зажмурился, замерев на месте, а спустя секунду вдруг протянул руку, пытаясь нащупать лицо юноши.

Цзяньси даже не шелохнулся, лишь слегка отпрянул в сторону. Он так и не понял, чего хотел этот пьяный тип: приласкать его или просто ухватиться, чтобы не упасть. Рука Фан Юя беспомощно поскребла воздух возле его щеки и бессильно упала вдоль туловища.

— Выбирай: вперед ногами тебя вынести или сам пойдешь? — спросил Цзяньси.

Собеседник никак не отреагировал, продолжая стоять неподвижно. Он затих и, казалось, даже перестал дышать.

Не дождавшись ответа, Цзяньси потянулся было к его плечу, намереваясь взвалить упряма на себя, как вдруг Фан Юй без предупреждения качнулся вперед. Он начал заваливаться прямо на юношу, тяжело и неотвратно, словно подрубленное дерево.

В панике Цзяньси вскинул руки, упираясь в широкие плечи мужчины, и резко отставил ногу назад, сиюсь удержать равновесие. В следующий миг Фан Юй уткнулся лицом прямо ему в шею. Из-за этого тарана Цзяньси повело назад — его спина выгнулась колесом в классическом гимнастическом мостике. Позвоночник отозвался такой резкой, ноющей болью, что в голове пронеслось лишь отчетливое: «Твою мать!»

— Эй! Какого черта?! Ты что, совсем отрубился? — прошипел Цзяньси сквозь стиснутые зубы.
— Фан Юй, если ты притворяешься, я тебя лично придушу!

Пьяный мужчина весил невероятно много — мертвым грузом навалился всей массой. Цзяньси попытался выпрямить мужчину, но это оказалось плохой идеей: лишившись опоры, тот немедленно начал заваливаться в другую сторону.

Они нелепо топтались на месте, сталкиваясь телами и кренясь то в одну, то в другую сторону, никак не улавливая нужный баланс.

— Да стой ты ровно, мать твою! — Цзяньси раздраженно дернул головой, но жесткие волосы Фан Юя продолжали щекотать его чувствительную шею и ухо, вызывая волну глухого раздражения.

Этот злой полусшепот будто привел пьяного в чувство. Мужчина замер, перестав шататься, и медленно отстранил лицо от его шеи.

— Цзяньси... — тихо, на самом выдохе позвал он, даже не открывая глаз.

Юноша застыл как вкопанный. Горячее дыхание коснулось мочки уха, и по телу мгновенно пробежал мощный электрический разряд, заставив волоски на коже подняться дыбом. Пока он пребывал в оцепенении, Фан Юй мимоходом коснулся губами его щеки — мимолетный, почти невесомый поцелуй, после которого голова мужчины снова бессильно рухнула на его плечо.

— Ублюдок! — выплюнул Цзяньси.

Покрывшись гусиной кожей, он с силой толкнул наглеца в плечи. Не ожидавший отпора Фан Юй покачнулся и неуклюже попятился назад.

Заплетающиеся ноги не слушались, и пьяный мужчина продолжал пятиться по инерции. Его голова кружилась так сильно, что он даже не понимал, как затормозить, и лишь инстинктивно вытянул руки перед собой, пытаясь ухватиться за Цзяньси.

Сам же юноша, поддавшись секундному порыву отвращения, толкнул его слишком сильно, но уже через мгновение похолодел от ужаса. Прямо за спиной Фан Юя тянулись бесконечные стеллажи с вином, где стоимость каждой бутылки исчислялась шестизначными суммами. Стоит ему задеть хоть один стеллаж — и начнется сокрушительный эффект домино.

Заметив слепую попытку схватить его за одежду, Цзяньси рванулся вперед и мертвой хваткой вцепился в его запястье, увлекая на себя.

— Тошнит... — выдавил Фан Юй. Земля под его ногами ходила ходуном. Он судорожно вцепился в плечо Цзяньси и согнулся пополам, упираясь лбом ему в грудь.

— Только посмей испортить мне одежду, — угрожающе прошипел Цзяньси, — и я устрою тебе незабываемый вечер.

Он бесцеремонно высвободил руку из хватки пьяного босса, перехватил его за запястье и закинул тяжелую руку себе на шею. Кое-как удерживая этот неподъемный груз, он потащил его к выходу из погреба.

В коридоре за пределами погреба горел яркий свет.

Фан Юй тут же поднял свободную руку, заслоня глаза от слепящих ламп. Он болезненно поморщился. Цзяньси скосил глаза и мысленно хмыкнул, разглядывая эту страдальческую мину.

«Каков актер! Надо же, как быстро преобразился!» — зло подумал он.

Секунду назад висел на нем как безвольный мешок, а стоило выйти на свет — и снова строит из себя приличного человека.

«Ну артист, ну дает! Снимаю шляпу перед твоим талантом».

Впрочем, сам Фан Юй в этот момент думал примерно о том же: «Никому другому не позволил бы себя тащить. Только тебе».

По пути им то и дело попадались люди. В лифте то поднимались, то опускались праздные компании. Комплекс «Лазурное море и облачное небо» изначально был обителью ночных безумств и хмельного забытья. Здесь никого невозможно было удивить чужим опьянением или потерей лица. Никому не было дела до того, кто с кем идет в обнимку и за какими дверями скрывается — будь то мужчина с женщиной, две девицы или двое парней.

Когда порок возводится в ранг повседневности, отпадает всякая нужда разыгрывать удивление.

Фан Юй продолжал виснуть на плече Цзяньси и тогда, когда они вышли из лифта. Миновав стойку администратора в просторном холле, юноша кивнул дежурным:

— Откройте девятые апартаменты, пожалуйста.

Этот этаж состоял исключительно из закрытых гостевых номеров, закрепленных за владельцами частных погребов. Здесь царили идеальная тишина, безупречный порядок и сдержанная роскошь.

Услышав просьбу, двое портье — парень и девушка — поспешно вышли из-за стойки с электронным ключом в руках. Молодой человек подошел к Фан Юю с другой стороны и вежливо поинтересовался:

— Господин, позвольте мне вам помочь?

Тот лишь вяло отмахнулся свободной рукой. Жест был красноречив: «Отвали».

Портье растерянно взглянул на Цзяньси. Юноша лишь понимающе улыбнулся, промолчав.

Девушка тем временем уже распахнула массивные двойные двери апартаментов. Портье застыли по обе стороны прохода, пропуская гостей. Цзяньси втащил своего спутника внутрь, за их спинами раздался тихий щелчок замка — прислуга удалилась.

Оказавшись в гостиной, Цзяньси остановился, соображая, где здесь гостевая спальня. Прикинув планировку, он потащил мужчину в первую комнату по левой стороне — судя по всему, это была не хозяйская спальня, а обычная гостевая.

Не в силах терпеть этот кошмар больше ни секунды, Цзяньси попросту швырнул Фан Юя на кровать. Тот с глухим стуком повалился на матрас.

— Ох... — простонал тот, раскинувшись на покрывале, хотя его ноги в туфлях так и остались свисать на ковер. — Не кидай меня так... сейчас вырвет...

— Отпусти, — процедил Цзяньси, глядя сверху вниз.

Пальцы Фан Юя намертво вцепились в его манжет. Из-за этого воротник рубашки Цзяньси натянулся и перекосялся; еще одно замахивание — и пуговицы с мясом вылетят из петель.

— Нет, — упрямо выдохнул пьяный босс. Ответ прозвучал неожиданно твердо.

— Ну все, урод, ты меня достал, — тихо выговорил Цзяньси.

Слова еще не успели сорваться с его губ, как он сжал свободную руку в кулак и с размаху обрушил его прямо на лицо мужчины — стремительно, яростно, со свистом рассекая воздух.

Фан Юй лежал с закрытыми глазами, борясь с накатывающей дурнотой, как вдруг почувствовал, что над ним нависла угрожающая тень. Воздух зазвенел от бешеного замаха. Он резко распахнул глаза и в ярком свете люстры увидел искаженное злостью лицо Цзяньси.

В следующую секунду кулак юноши со свистом пронесся мимо его головы и с глухим стуком врезался в матрас.

Бум!

— Ай... — Фан Юй зажмурился от резкой боли. Кожа на ушной раковине горела огнем, острая пульсация пронзила висок.

— Силен! — прохрипел он, едва придя в себя, и показал Цзяньси большой палец.

Какая же требовалась точность и скорость, чтобы лишь слегка оцарапать ухо! Попади этот удар по лицу — и челюсть наверняка пришлось бы собирать заново. Юноша хоть и был в ярости, но все же сдержался, ограничившись лишь суровым предупреждением. Оказывается, этот колючий парень только на словах такой грозный.

Для Фан Юя это был колоссальный прогресс. Раньше Цзяньси без раздумий ломал ему ребра, а теперь всего лишь пугал, слегка оцарапав кожу. От осознания этого мужчине безумно захотелось обнять подушку и радостно покататься по кровати. Если бы голова не кружилась так немилосердно, он бы наверняка станцевал.

Но ему все же удалось взять себя в руки и скрыть бушующий восторг.

И все же он не сумел сдержать язык за зубами. Слегка повернув голову, Фан Юй прижался губами к костяшкам кулака, который Цзяньси так и не убрал с матраса.

— Ах ты...

Цзяньси опешил. Он намеренно увел удар в сторону, пощадив этого придурка и ограничившись легкой царапиной. Это был, пожалуй, самый мягкий удар в его жизни — позорный компромисс! И как на это ответил этот мазохист? Вместо того чтобы вымалывать прощение, он взял и поцеловал его руку!

Внутри Цзяньси вскипела ярость. Жажда расправы вспыхнула с новой силой.

Шурх!

Фан Юй замер в предвкушении заслуженного второго удара, неотрывно глядя в лицо склонившегося над ним юноши. Но вместо кулака на него обрушилось тяжелое ватное одеяло. Не успел он сообразить, что происходит, как его бесцеремонно перевернули на живот и принялись с бешеной скоростью катать по кровати, заворачивая в кокон.

Фан Юя крутило как в центрифуге. В глазах все поплыло, желудок предательски сжался, а в ушах зазвенело так, словно он попал в эпицентр грозы.

Когда этот безумный аттракцион наконец завершился, Фан Юй лежал туго спеленутый, словно гигантский блинчик. Прежде чем он успел вымолвить хоть слово, сверху посыпался град ударов. Впрочем, сквозь толстый слой пухового одеяла они почти не ощущались — куда больше его мучила дикая тошнота.

Цзяньси с явным удовольствием покатал получившийся кокон туда-сюда по кровати.

— Ну что, как самочувствие? Все еще тошнит? — с ехидной усмешкой поинтересовался он, заглядывая в торец одеяльного свертка.

— Пощади, Цзяньси... — взмолился Фан Юй, отчаянно сглатывая подступившую к горлу желчь.
— Лучше просто побей меня, только не крути больше.

— Если бы побои помогали, ты бы давно уже вел себя прилично, — отрезал юноша и для верности пару раз пнул плотный рулон ногой.

— Ой... свело... ногу свело... — прохрипел пострадавший. Один из пинков пришелся точнехонько по зажатой мышце. — Правда... черт, дикая судорога!

— Не умрешь, — бросил Цзяньси.

Но не успел он договорить, как из кокона донеслось тихое фырканье, переросшее в приглушенный смех. Сначала Фан Юй морщился от боли в ноге, и его гримаса выглядела жалко, но уже через секунду он покатился со смеху во весь голос.

Этот нелепый хохот совершенно сбил Цзяньси с толку. Почувствовав, как предательски вспыхнули уши, он поспешно отвел взгляд в сторону окна.

— Фан Юй, если ты когда-нибудь и сдохнешь, то исключительно от собственного идиотизма!

— «Если это любовь... то не нужно бежать, нужно сделать шаг навстречу...» — отсмеявшись, фальшиво затянул Фан Юй.

— Заткнись! — рявкнул Цзяньси, ткнув в него пальцем.

Но пьяного певца было не остановить. Напротив, он запел еще громче и самозабвенней:

— «Пусть сквозь слезы и боль... эти капли дождя лишь возрастят наши чувства...»

Цзяньси почувствовал, что если останется здесь еще хоть на минуту, то просто вышвырнет этого клоуна в окно. Он резко развернулся и почти бегом бросился к выходу.

А вслед ему неся нестройный, дребезжащий вокал:

— «Если это любовь... то не нужно бежать...»

Пел он просто отвратительно — безжалостно перевирал каждую ноту, превращая поп-хит в какую-то авангардную какофонию.

«Изуродовал песню, скотина. Убил бы».

<http://bllate.org/book/18325/1768478>